

Г. ЦАНКОВА-ПЕТКОВА

**ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ
ПОД ВИЗАНТИЙСКИМ ВЛАДЫЧЕСТВОМ**

Согласно древней традиции, номинальным верховным собственником земель в Византии считалось государство. Всякий подданный считался владельцем земли лишь постольку, поскольку он выполнял свои обязанности по отношению к государству и был в соответствии с этим занесен в податные списки. Принадлежащее государству право феодальной собственности на землю реализовалось в форме централизованной ренты, которая совпадала с налогом¹. После перехода Болгарии под власть Византии в болгарских землях постепенно получила распространение византийская фискальная система. В первые десятилетия, однако, налоговая система не менялась. Рассчитывая удержать в повиновении болгарский народ, покорившийся только после продолжительной и героической борьбы, Василий II оставил неизменной налоговую систему в завоеванных областях. К концу его правления обнаружили признаки упадка, имевшего в своей основе глубокие экономические причины. Продолжительные войны Василия II разорили мелких свободных собственников, из числа которых рекрутировались рядовые воины, и ускорили процесс обезземели-

¹ К. М а р к с. Капитал, т. III. М., 1957, стр. 803—804. Выводы Маркса относятся не только к отдельным странам Востока, но характеризуют феодализм вообще в средневековой Европе: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней. крепостная зависимость [Hörigkeit] в настоящем смысле этого слова. Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли». Ср. А. П. К а ж д а н. Особенности феодальной собственности в Византии. ВВ, X, 1956; стр. 60; Г. Г. Л и т а в р и н. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. УЗ Ин-та славяноведения, т. XIV, 1956, стр. 247; М. Я. С ю з о м о в. Некоторые проблемы истории Византии. ВИ, 1956, № 3, стр. 114. Сюзюмов намечает три возможных пути развития феодальных отношений в Византии: 1) превращение ее в феодально раздробленную страну, управляемую провинциальной феодальной аристократией. Этот «континентальный» путь развития, по его мнению, не полностью отвечал особенностям Византии — морской страны, являвшейся связующим звеном в торговле между Востоком и Западом; 2) распад Византии на ряд самостоятельных городских республик; 3) превращение ее в централизованное государство восточноазиатского типа, где налог отождествлялся с поземельной рентой. Автор считает, что в отдельные периоды развития брал верх то тот, то другой путь, пока в конце XI в. не победил «континентальный» путь развития, в результате чего провинциальная аристократия захватила государственный аппарат в свои руки (там же, стр. 115).

вания свободных крестьян и превращения их в зависимых людей. Вместе с этим понизилась и обороноспособность государства, сократились доходы казны, обострились классовые противоречия. Платежеспособность налогоплательщиков упала, и в последние годы правления Василия II налоги не были собраны за два года². Дальновидный политик, Василий II понимал, что главной опорой финансовой и военной мощи империи были свободные мелкие собственники. Поэтому он покровительствовал им, защищая как от домогательств династов, так и от притеснений со стороны государственных финансовых органов. Таким образом, ему удавалось сглаживать до известной степени внутренние противоречия и сохранять сильной центральной власть³. При его наследниках наступили значительные перемены. С усилением процесса феодализации усиливались и центробежные силы и разложение среди правящих кругов.

Государство беднело, его доходы падали, а господствующий класс тонул в роскоши и искал новых путей для увеличения своих богатств. Начали прибегать к принудительному взысканию недоимок, к замене натуральных податей денежными, к увеличению старых и введению новых податей⁴.

Так, Константин VIII приказал собрать подати, оставшиеся не собранными за последние два года правления Василия II. Кроме того, он взыскал налоги еще за три первых года своего царствования, так что населению пришлось платить в течение двух-трех лет подати за пять лет⁵. Особенно тяжело отразилась на налогоплательщиках налоговая реформа, проведенная Михаилом IV Пафлагонцем, по которой натуральные подати заменялись денежными⁶. К сожалению, летописец не говорит точнее, на каких условиях произошла замена, или, другими словами, сколько номисм должно было платить каждое хозяйство. Мы знаем, однако, на основании того же сообщения Кедрина, что одно зевгаратное болгарское хозяйство при Василии II платило тот же налог, что и при Самуиле, — один модий жита, один модий проса и один кувшин вина⁷. Во всяком случае эта реформа отрицательно отразилась на положении болгарских крестьян и мелких земельных собственников в городах. Всякое мелкое хозяйство в значительной степени само удовлетворяло свои нужды, поэтому его собственник, чтобы выплатить налог в золотых номисмах, должен был продать по более низким ценам излишки сельскохозяйственного производства.

Кроме того, в 1039 г. Орфанотроф вновь ввел подать азрикон, взимавшуюся в Византии во времена Льва VI⁸.

Налоги в Византии взимались не с урожая, а с земли — в зависимости от ее количества и качества⁹. Государство определяло общую сумму на-

² Georgii Cedreni Compendium, II. Bonnae, 1839, p. 484. 2—5: «Щадя бедных, император Василий временно не собирал государственные налоги, но давал отсрочки и откладывал обложение. Когда он умер, налоги остались не собранными за два года».

³ G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. Oxford, 1956, p. 271—272.

⁴ Cp. D. Xanatalos. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter. . . München, 1937, S. 36—37; G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 283—310.

⁵ См. Cedr., II, p. 484. 5—10: «Так были разорены, выплачивая в продолжение трех лет подати за пять лет, не только бедные и неимущие, но и состоятельные люди».

⁶ Ibid., p. 530. 12—13: 'Ορφανοτρόφος ἀντὶ τῶν εἰδῶν νομισμάτων ἐκέλευε δίδοναι. . . («Орфанотроф приказал вместо продуктов давать номисмы»).

⁷ Ibid., p. 530. 10—12.

⁸ Leonis Philosophi Tactica. PG, t. 107, cap. 20, § 71, col. 1032.

⁹ Cp. D. Xanatalos. Beiträge. . ., S. 36—37.

лога для каждого села (*ρίζα χωρίου*), которая распределялась между налогоплательщиками согласно размерам и виду находившейся в их владении земли (так называемая эпиболе)¹⁰. Обложению не подлежали так называемые «излишние земли» и не вписанные в податные списки (неплательные, лишние) крестьяне¹¹.

При исполнении своих служебных обязанностей государственные органы совершали большие злоупотребления. Они привыкли получать «подарки» (*μελίγματα*) и, получив их, становились еще более дерзкими, до тех пор пока не получали новых даров¹².

Практоры отвечали за налоговый сбор своим собственным имуществом. Если они не успевали собрать фиксированный государством налог, имущество их конфисковалось¹³. Поэтому они действовали крайне грубо при исполнении своих служебных обязанностей. Служба их обычно продолжалась в течение одного года¹⁴, и они очень мало заботились о том, что будет после истечения этого срока. Их помощниками были представители местного населения, хорошо знавшие возможности налогоплательщиков и крайне беззастенчивые при сборе налогов. Государственный контроль был слаб, а судебные органы и высшие чиновники действовали в союзе со сборщиками¹⁵.

Особенно усилился налоговый гнет во второй половине XI в. Для того, чтобы пополнить казну, Константин Мономах заменил военные наборы денежным налогом¹⁶. При Константине X Дуке (1059—1067) значительно возросли существующие налоги¹⁷. В это же время была возобновлена практика отдавать право сбора налогов откупщикам¹⁸. За предоставляемое государством право на сбор налогов в какой-либо области откупщик платил государству определенную сумму, которая иногда значительно превосходила установленную для этой области сумму налогов¹⁹. Откупщик же стремился взыскать с налогоплательщиков гораздо больше, чем сам затратил на откуп налогов. В 1074 г., при Михаиле VII Паррапинаке, известный своей алчностью логофет дрома Никифорица ввел монополию на торговлю зерном в Родосто и обложил непосильными налогами земледельческие продукты²⁰. Так «былое изобилие покинуло государство, и [стоимость] зерна с 18 модиев за номисму поднялась до одного модия за номисму»²¹.

¹⁰ G. Rouillard. L'Epibolé au temps d'Alexis Comnène. Byz., vol. X, 1935, p. 81—82.

¹¹ Cp. F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 114—115; G. Rouillard, P. Collom p. Actes de Lavra, I. Paris, 1937 (далее — Lavra), p. 168.

¹² Theophylacti archiepiscopi Bulgariae Epistolae. PG, t. 126, col. 316. C—D, 516. B, 517. D, 532. B. Cp. Cesaumeni Strategicon et inserti scriptoris De officiis regis libellus. «Записки ист.-филол. фак-та С.-Петербургского университета», ч. XXXVIII, 1896, p. 6. 13—15; 15. 15—22 etc.

¹³ Cesa., Strat., p. 39. 20—27. Cp. D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 53—54.

¹⁴ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 76.

¹⁵ D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 53—56.

¹⁶ Cp. Cedr., II, p. 608. 20.

¹⁷ См. Cesa., Strat., p. 70. 13; 98. 11; Michaelis Attaleioteae Historia. Bonnae, 1853, p. 283. 9—20; Ioannes Zonaras. Epitome historiarum, III. Bonnae, p. 676. 9 sq.

¹⁸ Zon., p. 676. 11; 677.4: «Император (Константин Дука. — Г. Ц.) проявлял свое усердие главным образом в двух направлениях: увеличение государственных податей, для чего он продавал должности налоговых сборщиков желающим и предоставлял им на основании договора право собирать подати, и ведение судебных процессов» Cp. Cesa., Strat., p. 40. 8.

¹⁹ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 57.

²⁰ См. Attal., p. 201. 18—203.5.

²¹ Ibid., p. 203. 4—7.

После 1040 г. налоговое обложение в болгарских землях осуществлялось в полном соответствии с византийской фискальной системой. При классификации налогов буржуазные византисты обращают прежде всего внимание на государственные подати и налоги, которые рассматриваются при этом в отрыве от развития феодальных отношений в Византии. Поэтому предложенные ими категории налогов являются неполными — они охватывают только централизованную государственную ренту и не затрагивают повинностей частновладельческих париков по отношению к их феодальным владельцам²². Кроме того, вследствие недостатка сведений или их неполного использования и неправильного освещения имеется много необоснованных гипотез.

Общий обзор налоговой политики Византии на завоеванных землях бывшего Болгарского государства был сделан в последнее время советским византинистом Г. Г. Литавриным²³.

Изучение феодальной ренты в болгарских землях под византийской властью дает возможность установить две ее главные категории: 1) денежная рента, 2) натуральная рента.

1. ДЕНЕЖНАЯ РЕНТА

Одним из основных налогов был зевгологий. Он уплачивался как крестьянами — государственными подданными, так и париками, сидевшими на землях феодалов, которые не располагали полным финансовым иммунитетом. Частновладельческие крестьяне обыкновенно платили регулярные государственные налоги, но были освобождены от всех других натуральных и отработочных повинностей по отношению к государству²⁴.

В письменных памятниках от этой эпохи не упоминается никакого другого земельного налога, кроме зевгология. Несмотря на это, некоторые исследователи считают, что основной поземельный налог назывался зевгарий или зевгаратикий, а зевгологий был налогом на рабочий скот или на пару волов²⁵. По мнению других, отношение между так называемым зевгарием (зевгаратикием) и зевгологием точно определить нельзя, так как недостаточно ясно значение зевгология²⁶. В своих более ранних работах Ф. Дэльгер пришел к заключению, что зевгологий — это поземельная подать, которая идентична с известным из поздневизантийских памятников зевгаратикием²⁷. Кроме зевгология, согласно Дэльгеру, крестьяне в Византии платили поземельный, или основной налог (Grundsteuer) в соответствии с видом и качеством находившейся в их владении земли. В позднеримское время этот налог был известен под названием *jugatio*, а в византийское время не имел специального названия²⁸. Позднее тот же

²² Ср. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 47—62; D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 40—53.

²³ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии (1018—1185 гг.), ВВ, X, 1956, стр. 84—92.

²⁴ Lavra, № 39. 48—52, p. 106.

²⁵ D. Xanatalatos. Beiträge. . ., S. 40.

²⁶ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 122—123. М. Андреев и Д. Ангелов считают, что зевгаратикий тождествен зевгологии («История на българската държава и право». София, 1959, стр. 142).

²⁷ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 53.

²⁸ Ibid., S. 54—55. В сущности, в названии «зевгологий» совершенно ясно усматривается *jugatio terrena*: *jugum* соответствует ζυγόν. К тому же нельзя считать достаточно убедительным предположение, что при наличии в Византии множества налогов, имеющих специальные названия, основной налог не имел его. Более вероятным пред-

автор изменил свое мнение относительно зевгология и причислил его к пошлинам — денежным взносам, уплачиваемым государству в особых случаях²⁹. Уточняя значение терминов *βιολόγιον* и *καπνολόγιον* как пошлин, уплачиваемых финансовыми органами за оценку имущества какого-либо хозяйства, Ф. Дэльгер считает, что зевгологий был также пошлиной, уплачиваемой за фиксацию количества рабочего скота и за внесение его в практики³⁰.

Предположение это, однако, недостаточно аргументировано. Прежде всего, при определении значения зевгология незачем прибегать к аналогии с *καπνολόγιον* и *βιολόγιον*, которые редко встречаются в документах и значение которых еще не установлено. Кроме того, согласно имеющимся сведениям, зевгологий — это основной налог (*τέλος*), уплачиваемый с обрабатываемой земли каждым хозяйством. Мы не можем также согласиться с мнением Д. Ксаналатоса, что зевгологий — налог с пары волов, уплачиваемый париками, которые соответственно с количеством принадлежащих им волов делились на дизевгаратов, зевгаратов и воидатов. Автор исходит из буквального значения термина «зевгарион» — пара волов. Однако, как это принимается почти всеми исследователями, зевгарь означал не только пару волов, но и хозяйственную налоговую единицу. Парики записывались в практики соответственно с имуществом состоянием данной семьи, при этом принималось во внимание количество и качество обрабатываемой земли, а также количество скота³¹. Мнение о зевгологии как о налоге на скот находит, кажется, подтверждение в некоторых документах. Так, в хрисовуле императора Алексея Комнина, выданном монастырю Богородицы Милостивой на Струмице, зевгологий упомянут наряду с другими налогами, которые уплачиваются со скота. «Дарую ему экскуссию на 150 овец, 40 волов, выгоняемых на пастбище (*βοῶν τε ἀγελαίων*), 10 кобыл (*φορβάδων*) и 6 пар волов. Пусть монастырь навсегда имеет экскуссию на это количество скота от зевгология, аэрикона, энномия и всякой другой подати, взимаемой с обрабатывающего землю тяглогового скота и со скота, выгоняемого на пастбище»³². В этом тексте перечислены налоги зевгологий, аэрикон, энномий как подати с рабочего скота и скота, выгоняемого на пастбище (*ἀπό τε τῶν ἐργαζομένων τὴν γῆν ζευγῶν καὶ ἀπό τῶν νερομένων ζῶων*).

Так как известно, что энномий взимался за право пользоваться пастбищами, а аэрикон — за всякого рода ущерб, нанесенный в данном случае скотом³³, то легко предположить, что под зевгологием здесь подразумевается налог на рабочий скот. Но исчерпывается ли этим содержание зевгология и не имеет ли он, подобно аэрикону, более широкого значения?

В другом хрисовуле, которым монастырю Богородицы Милостивой дарятся 12 париков, говорится: «Передаем этих париков упомянутому святому монастырю, чтобы он владел ими и распоряжался как свободными от налогов и тягот и от всяких государственных повинностей, т. е. от

ставляется, что он не всегда упоминался под своим именем или что в различных по времени документах он назывался по-разному: иногда как зевгаратиккий, иногда как зевгарий, иногда как зевгологий.

²⁹ F. Dölger. Zum Gebührenwesen der Byzantiner. «Études dédiées à la mémoire d'André Andréades». Athènes, 1939, p. 5, 26.

³⁰ Ibid., p. 23—26.

³¹ См. ММ, IV, p. 182: *καὶ ἀναθεωρήσης τοὺς προσκαθημένους παροίκους καὶ ἀναγράφης ἕκαστον τῶν παροίκων ἢ ζευγαρτικὴν ἢ βοϊδοτικὴν κατὰ τὴν ἑκάστου εὐπορίαν καὶ δύναμιν καὶ ἀποκαταστήσης αὐτοὺς δίδοναι τὸ ἀναλογεῖν τῷ ζευγαράτῳ καὶ τῷ βοϊδάτῳ παροικικὸν τέλος*. Ср. Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии. ЖМНП, ч. 240, 1885, стр. 49.

³² ИРАИК, VI, 1 (1900), стр. 29. 15—20.

³³ Подробнее об аэриконе см. ниже, стр. 10—11.

зевгология, энномия, ампелопакта, мелиссоэнномия, азрикона и от других податей, взыскиваемых государством»³⁴. И здесь, так же как и в предыдущем хрисовуле, зевгологий поставлен на первое место среди государственных налогов. При этом в хрисовуле ясно сказано, что 12 париков должны быть освобождены от всяких государственных повинностей, т. е. что они не должны платить никаких налогов ни с земли, ни со скота. Для нас в данном случае важно, что в экскусионной формуле, которая утверждает освобождение париков от всяких государственных налогов, не упомянут никакой другой налог с обрабатываемой земли. Кроме зевгология, в хрисовуле перечисляются поименно: энномий (налог на выгоняемый на пастбище скот), ампелопакт (налог на виноградники), мелиссоэнномий (налог на пчел) и азрикон. Упоминание ампелопакта отдельно от зевгология свидетельствует, по нашему мнению, о том, что зевгологий взимался только с пахотной земли (γῆ ἀρόσιμος)³⁵, обрабатываемой тяглым скотом. Если бы с этой земли крестьяне платили какой-нибудь другой налог, кроме зевгология, например зевгаратикий, то он был бы упомянут, как упомянут в хрисовуле ампелопакт — налог с земли, занятой под виноградниками. Поэтому мы предполагаем, что зевгологием облагался не только рабочий скот, но и земля, которую этот скот обрабатывал, или, другими словами, зевгологий — это основной налог, уплачиваемый одновременно и за обрабатываемую землю, и за тот скот, который ее обрабатывал³⁶. В письмах Феофилакта о зевгологии говорится как о поземельном налоге. Так, жалуясь в своем письме к Иоанну Духе на отмену хрисовула, утверждавшего права архиепископа на с. Могила, «которым церковь владела с древних времен»³⁷, Феофилакт в конце концов согласился, что его крестьяне, освобожденные от других повинностей в пользу государства, будут платить зевгологий за обрабатываемую ими землю. «Но так как [земля] не считается нашей, мы будем платить зевгологий на общих основаниях, [ибо], как известно твоему величию, это касается всех»³⁸.

Согласно другому свидетельству Феофилакта, его парики в Пологе должны были платить только зевгологий, но освобождались от всяких других налогов³⁹. Крестьяне Феофилакта освобождались от поземельного налога только с одного зевгария; те из них, которые имели больше, платили поземельный налог с остальной земли. «Он добавил и то, — пишет Феофилакт о практоре, — что подаренным церкви парикам... он даст только по одному зевгария, и угрожал, что все другие виды налогов будет взимать сам, что противоречит приказу о передаче»⁴⁰. В действительности, однако, даваемая хрисовулом экскуссия не всегда соблюдалась. Кроме того, как уже отмечалось, при измерении и описании земли допускались большие непорядки. Чиновники фиска не обладали необходимыми познаниями для измерения земель и, кроме того, были заинтересованы во взыскании

³⁴ ИРАИК, VI, 1, стр. 38. 24—39. 1.

³⁵ В зависимости от назначения и способа обработки земля делилась обычно на пахотную (γῆ ἀρόσιμος, χωραφαία), виноградники (γῆ ὑπάμπελος, ἀμπελοφύτεα), плодовые сады (γῆ κηπεύσιμος) и луга (γῆ λιβαθιαία) и соответственно этому делению облагалась налогами. Ср. F. Dölger. Beiträge..., S. 54—55.

³⁶ В османской налоговой системе мы находим точное соответствие зевгологии в налоге *resm-i çift*, который буквально означал «налог на пару», но уплачивался за землю, обрабатываемую «одной и более парами» (быков) и причислялся к поземельным налогам. Ср. В. М у т а ф ч и е в а. Феодална рента, присвоивана от ленния държател с оглед на нашите земи през XV—XVI в. ИИБИ, т. VI, 1957, стр. 179—181.

³⁷ PG, t. 126, col. 533. D.

³⁸ Ibid., col. 536. B.

³⁹ Ibid., col. 516. D. В тексте «зевголеон», вероятно, ошибочно вместо «зевгологион» или «зевгологон». Ср. об этом *ibid.*, col. 536. B, где упоминается ζευτολόγον.

⁴⁰ Ibid., col. 452. A.

как можно больших налогов. «Большинство из них (парики Теофилакта. — Г. Ц.) не только не пользовалось экскуссией на один зевгарь. . . , но, смешно сказать, те, кто составляют опись, приписывают им большее количество зевгарей, так что налагают подать не только на то, с чего парики должны были быть освобождены, но и требуют даже сверх должного»⁴¹.

Сведения, содержащиеся в переписке Теофилакта, подтверждают предположение, что основной налог, платимый крестьянами, назывался зевгологий. Пользующиеся экскуссией парики Теофилакта были освобождены от налога только с одного зевгаря, за остальную землю (более одного зевгаря) они должны были уплачивать установленный налог.

Сигиллием, выданным деспоту Славу в 1220 г., его владения освобождены от *ἐξέλασι* (набора воинов) и от *ζευγολόγιου δόσι* (уплаты зевгология)⁴². Владения деспота, таким образом, имели экскуссию от двух основных повинностей — военного и поземельного налогов. Из рассмотренных материалов видно, что зевгологий платили как государственные крестьяне, так и парики во владениях феодалов, пользовавшихся частичным иммунитетом. При полном иммунитете феодальных владений частновладельческие парики получали экскуссию от всех государственных налогов, включая и зевгологий.

Из сопоставления этих данных явствует, что зевгологий идентичен с известным из других источников зевгаратикием. *Это основной налог, уплачиваемый крестьянами государству в эту эпоху.* При определении размеров зевгология учитывался прежде всего зевгарий как хозяйственная и фискальная единица, причем крестьяне разделялись, в соответствии с размером, видом и качеством своих владений, на зевгаратных (имеющих один зевгарий земли, обрабатываемой одной парой волов), двузевгаратных (которые имели два зевгария), воидатных, которые имели менее одного зевгария, или, образно говоря, земля которых могла быть обработана только одним волом. В соответствии с этим делением они были внесены в налоговые списки и обложены зевгологием. В некоторых случаях при наличии частичного иммунитета зевгаратные парики освобождались от зевгология, а двузевгаратные платили зевгологий за землю, которой у них было более одного зевгария. Размер зевгология, следовательно, зависел от количества и качества обрабатываемой земли, а также от количества тяглового скота.

Итак, приведенные данные подкрепляют высказанное некоторыми авторами⁴³, но недостаточно аргументированное предположение, что зевгологий — это основной налог, уплачиваемый одновременно и со скота, и с обрабатываемой им земли. При этом рассмотренные материалы показывают, что зевгологий уплачивался только за пахотную землю. В более поздних документах этот налог встречается под названием зевгаратикий или зевгарий.

Другим налогом, уплачиваемым государству крестьянами, был ампелопакт — налог на виноградник⁴⁴. Он взимался отдельно от зевгология, так как в податные списки виноградника (*ἀμπελοφύτεία*) записывались

⁴¹ Ibid., col. 448. С.; см. col. 493. С. Согласно иммунитетной привилегии, которой располагала Охридская архиепископия, парики Теофилакта должны были платить государству налог только в том случае, если они владели более чем одним зевгарием земли, но были освобождены от всяких других налогов и повинностей (ibid., col. 516. D; 536. B). Этот иммунитет, однако, не всегда соблюдался финансовыми властями.

⁴² Ср. Ив. Д у й ч е в. Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. 32.

⁴³ Ср. F. D ö l g e r. Beiträge. . . , S. 53; Г. Г. Л и т а в р и н. Налоговая политика. . . , стр. 110; Ив. Д у й ч е в (МП, г. 12, № 2, 1940, стр. 139).

⁴⁴ Ср. F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948, № 66/67. 11—12, S. 194.

отдельно от пахотных земель. Засаженная виноградником земля называлась также *γῆ ὑπάμπελος* (земля под виноградником) или *γῆ κηλισθεῖσα* (земля, глубоко перекопанная)⁴⁵.

Одним из государственных налогов была так называемая декатей — десятина на нетяглый скот — коз, овец, свиней и др.⁴⁶

Парики Теофилакта имели экскуссию от десятины⁴⁷. Эта экскуссия, однако, на практике не соблюдалась⁴⁸.

Налогом, сходным с десятиной, был энномий, уплачиваемый крестьянами за пользование государственными пастбищами, и мелиссоэнномий — налог на пчел⁴⁹. Энномий обычно налагался на всю крестьянскую общину, а затем общая сумма распределялась между всеми ее членами⁵⁰.

К регулярным налогам, собираемым фискальными органами, принадлежал капникон. Капникон уплачивали как зевгаратные и воидатные, так и лишенные обрабатываемой земли, но имеющие свое самостоятельное хозяйство крестьяне⁵¹. Последние называются в некоторых документах капникариями. В Византии капникон взимался с каждого дома или очага (*καπνός*)⁵². По своему характеру он может сравниться с упоминаемой в староболгарских и сербских источниках дымниной⁵³.

Одним из государственных налогов был азрикон. Вначале азрикон представлял собой судебную пошлину — штраф, который виновный должен был заплатить в пользу пострадавшего и в казну⁵⁴. Позднее, под влиянием славянского права, согласно которому индивидуальная ответственность за отдельные преступления заменялась коллективной ответственностью всей общины, азрикон превратился в постоянный дополнительный налог, который налагался на всю сельскую общину наряду с другими налогами и должен был уплачиваться всеми ее членами⁵⁵.

⁴⁵ Ср. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 41—42.

⁴⁶ Ср. D. Xanatos. Beiträge. . ., S. 41—42.

⁴⁷ PG, t. 126, col. 448. B, 448. C.

⁴⁸ Ibid., col. 449. B.

⁴⁹ MM, VI, p. 15. 29. 8—10; ИРАИК, VI, стр. 1 —20.

⁵⁰ MM, VI, p. 15. 5—10; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 35. 92, S. 102.

⁵¹ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 54.

⁵² Предполагают, что капникон заменил поголовную подать, уплачивавшуюся колонами Римской империи (*capitatio humana*). Ср. F. Dölger, Aus den Schatzkammern. . ., № 1/2, S. 27; № 30.

⁵³ Ср. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 57; М. Андреев, Д. Ангелов. Указ. соч., стр. 142.

⁵⁴ Ср. Б. А. П а н ч е н к о. О тайной истории Прокопия. ВВ, III, 1950, стр. 507—511; F. Dölger. Das *ἀερίκον*. ВЗ, 30, 1930, S. 450; idem. Aus den Schatzkammern. . ., № 1/2. 31, S. 27; М. Л а с к а р и с. Ватопедската грамота на царь Иван Асеня II. София, 1930, стр. 47—48; Г. О с т р о г о р с к и й. Византийские писцовые книги. BS, IX (2), 1948, стр. 299—302; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . ., стр. 146. Как судебная пошлина азрикон упоминается в опубликованных Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем «Вазелонских актах» (Л., 1927, № 55. 10, стр. 31; № 58. 12, стр. 33; № 128. 8, стр. 94; № 128. 20, стр. 96; № 129. 7—8, стр. 96). О возмещении убытков за нанесенный рабом или скотом ущерб имеются сведения и в Земледельческом законе (см. W. Ashburner. «Journal of Hellenic Studies», 10, 1930, § 38, 45, 46, 48, p. 102—103). Ср. G. Rouillard — A. Soloviev. Το *φονικόν*. Une influence slave sur le droit pénal byzantin. — «Mnemosyna Pappalia», 1934, p. 221 sq. Ср. также Г. О с т р о г о р с к и й. К истории иммунитета в Византии. ВВ, XIII, 1958, стр. 122.

⁵⁵ Как постоянный добавочный налог, сверх основных государственных налогов, азрикон упомянут в Тактике Льва VI: *ἀρκεί γε αὐτοῖς τελεῖν τοὺς τε δημοσίους φόρους καὶ τὰ ἐπιχεῖμενα αὐτοῖς ἀερίκα καὶ μὴδὲν πλέον* («Достаточно платить государственные налоги и наложенный на них азрикон и ничего больше»). PG, t. 107, cap. 20, § 71, col. 1032; Торнаритис ((*Τορναρίτις. Το αἰνίγμα τοῦ βυζαντινοῦ ἀερίκου*).

В письменных памятниках от этого времени аэрикон упоминается наряду с другими налогами, которые уплачиваются государству⁵⁶. Аэрикон платили и клирики Феофилакта⁵⁷.

Согласно сообщению Кедрина, аэрикон был восстановлен Иоанном Орфанотрофом около 1039 г.: «В 6547 г. Иоанн определил, чтобы каждое село давало дополнительно сверх государственных налогов, соответственно с состоянием и возможностями каждого, в качестве аэрикона одно — четыре номисмы, другое — шесть и т. д. до 20 номисм»⁵⁸. Сведения, сообщаемые Кекавменом, дают некоторое представление о методах взыскания этого налога. Кекавмен советовал своему сыну, чтобы тот не становился государственным чиновником или сборщиком податей, так как «те, с которых ты несправедливо взыщешь аэрикон или что-либо другое, будут таскать тебя по фемным судам 10—15 лет»⁵⁹.

В одном из своих писем Феофилакт жаловался, что его клирики были несправедливо обложены аэриконом и отрочиной, и требовал, чтобы им были возвращены взятые в качестве этих налогов суммы⁶⁰.

Приведенные сведения позволяют сделать вывод, что при взыскании аэрикона не всегда соблюдался один и тот же критерий, но нельзя сказать, тем не менее, что аэрикон взимался совершенно произвольно со всех крестьян. Кроме имущественного ценза, при взимании этого налога принимали, конечно, во внимание характер совершенного крестьянином закононарушения (убийство, нанесение телесных повреждений, кража, обольщение девушки и т. д.). Поэтому аэрикон вряд ли можно причислить к поземельным государственным налогам, как считают некоторые ученые⁶¹.

Рассмотренный материал подтверждает предположение, что аэрикон в XI—XII в. был постоянным дополнительным налогом, налагаемым на все село и взыскиваемым с его жителей в соответствии с совершенными ими правонарушениями. В болгарских памятниках XIII—XIV вв. аэрикон встречается под названием «арико», «тварико»^{61а}.

«*Ἀρχεῖον Βυζαντινῆς Δικαίου*», I, 1930) считаем, что аэрикон — это **чрезвычайный военный налог**. Однако более приемлемым представляется мнение, что аэрикон в одних случаях употребляется в значении судебной пошлины, а в других случаях означает **постоянный добавочный налог** (см. А. Соловьев, В. Мошин. Грчке повеље српских владара. Београд, 1936, стр. 383—384).

⁵⁶ См. ИРАИК, VI, стр. 38. 26—28: «... всякая государственная повинность, т. е. зевгологий, энномий, ампелопакт, налог на пчел, аэрикон и остальные налоги, взимаемые государством». Ср. там же, стр. 29. 17—20: «пусть монастырь имеет навсегда экскуссию на это количество скота от зевгология, аэрикона, энномия и всякой иной подати, взимаемой с обрабатывающего землю тяглового скота и со скота, выгоняемого на пастбище». Здесь аэрикон упоминают как налог на животных, что и дало некоторым ученым повод рассматривать его исключительно как налог на скот (см. L. P e t i t. Le monastère de Notre Dame de Pitie. ИРАИК, VI, стр. 55; ср. М. Л а с к а р и с. Ватопедската грамота. . . , стр. 46). Но, как уже указывалось, аэрикон имел более широкое содержание. Он взимался вначале за различные нарушения, среди которых был и ущерб, нанесенный скотом. Определить аэрикон как налог на скот — это значит абсолютизировать одно его частное значение, ибо, согласно другим сведениям, аэрикон был не только налогом на скот.

⁵⁷ PG, t. 126, col. 517. A.

⁵⁸ C e d r., II, p. 521. 12—15.

⁵⁹ C e c., Strat., p. 40. 25—26.

⁶⁰ PG, 126, col. 517. A.

⁶¹ А. Монье (H. M o n n i e r. L'Epibolé. «Nouv. revue historique de droit français et étranger», 16, 1892, p. 508 sq.) рассматривает аэрикон как налог на дома. П. Безобразов («*Ἀερίκων*». Сборник в честь Кареева. СПб., 1914, стр. 93—94) относит аэрикон к поземельным налогам.

^{61а} Ср. Ив. Дуйчев. За първообразността и достоверността на Рилската грамота. — Известия на Архивния институт, I (1951), стр. 67.

При взыскании налогов взимали также дополнительные пошлины, или подати (дикератоэксафол, синифию, элатикон), одни из которых шли в государственную казну, а другие — в пользу чиновников фиска. Дикератоэксафол взимался в размере двух кератиев ($1/12$ номисмы) и шести фоллов ($1/48$ номисмы), т. е. по $5/48$ с каждой номисмы, или примерно около 10% от общей суммы налога ⁶².

Вместе с основным налогом взыскивали также синифию ⁶³ ($1/12$ или $1/10$ номисмы) в пользу высших налоговых чиновников и элатикон (называемый также подокопия — «утомление ног», равный $1/24$ номисмы) в пользу их помощников.

Величина всех этих дополнительных податей достигала $11/48$ номисмы и составляла почти 25% от суммы основного налога ⁶⁴.

Общим названием для уплачиваемых государству основных постоянных налогов вместе с указанными пошлинами было *δημόσιον τέλος* или *ἄπαν τελοῦμενον* ⁶⁵. Мы не имеем точных данных о том, какие налоги включались в телос.

Насколько можно судить по сохранившимся материалам, в телос, кроме пошлин, связанных с налоговым обложением, входили прежде всего поземельный налог и капникон ⁶⁶. В телос входили также и остальные денежные сборы — ампелопакт, аэрикон, энномий, десятина и др. По мнению некоторых авторов, в него были включены также коммунальные государственные ангарии — кастроктисия, гефире и др. ⁶⁷

До нас дошел один документ из Ивирского архива ⁶⁸, содержащий ценные сведения о налогах, уплачиваемых жителями села Радолоуб (*χωρίον Ραδολύβ[ου]*), — Радулево, теперь с. Радолионо, Серский округ, близ Филидос [Зияховско (в Беломорской Македонии) в Струмицкой феме] ⁶⁹.

В этом документе дано прежде всего описание земельных владений села с точным указанием их границ. Затем сообщаются общие размеры совокупного налога (*ἄπαν τελοῦμενον*), из которого вычтены подати разорившихся крестьян (так называемая *συνπείθεια*). Вместе с дикератоэксафолом, синифией и элатиконом налоговый сбор со всего села составлял $9\frac{1}{2} + \frac{1}{6} + \frac{1}{24}$ номисмы ($9\frac{34}{48}$) ⁷⁰.

Затем в акте перечислены поименно отдельные крестьянские хозяйства (так называемые *στίχοι*) и платимый ими налог (в номисмах):

⁶² Дикератон был введен Львом III (717—741) как дополнительный налог на восстановление городских стен (см. Theophanes. Chronographia, ed. C. De Boor. Lipsiae, 1883, p. 412. 20. Ср. F. Dölger. Beiträge. . ., S. 58). Эксафол был также введен Львом III (F. Dölger. Beiträge. . ., S. 59). После этого указанные налоги превратились в регулярные дополнительные подати.

⁶³ Ср. MM, VI, p. 15: «В качестве синифии, эпискептита одна номисма на 10 номисм».

⁶⁴ F. Dölger. Beiträge. . ., S. 60.

⁶⁵ PG, t. 126, col. 448. D; Lavra, № 46. 17—18, p. 124; № 42. 12, p. 113; F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 65. 13—14, S. 182.

⁶⁶ Ср. MM, VI, p. 15. 10—15.

⁶⁷ Ср. Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII в. ГСУ, ист.-филол. фак-тет, 2, 1952, стр. 47.

⁶⁸ Извлечение из кадастра (исокодика) с. Радолоуб от месяца августа 1098 г. См. F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 65. 3, S. 182.

⁶⁹ Ibid., № 65. 3, S. 182. Ср. В. Трайков. Списък на населените места в Тракия и Македония под гръцка власт. София, 1946, стр. 48, 105.

⁷⁰ F. Dölger. Aus den Schatzkammern. . ., № 65. 12—13. S. 182. Хрисовулом и питтакием Алексея Комнина этот налог «зачислялся (*ἐλογίσθη*) в пользу монахини Марии Куропалатиссы Василакины», которой и должен был выплачиваться (ibid., № 65. 13—15, ср. idem. Beiträge., S. 144).

С Иоанна, жены его Анастасии, сына его Стефана и его супруги Марии	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Никифора, сына Иоанникия, жены его Анны и сына его Феодора	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Станилы	$\frac{1}{2} + \frac{1}{8} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Иоанна Кавады	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Иоанна Анила и дочерей его Добраны и Елены	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Феодора . . . зятя Верховлавия	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Косьмы, сына Аникита, внука Владислава . . .	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Василия	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С пресвитера Николая	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Димитрия	$\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$
С Лазаря, сына Иоанна Сундии τοῦ Σιδωμάχου (Сирромаха?), жены его Екатерины и сыновей его Феодора, Неденя и Евстафия	$\frac{1}{2} + \frac{1}{24}$
С сапожника (σαγγορίου) Иоанна Болгарина, сына его Николая, жены его Димитрии, дочерей Кали, Анны, Варвары и Марии	$\frac{1}{16} + \frac{1}{48}$
С Павла Саропота, сына его Ираклия и дочери его Агафы	$\frac{1}{16} + \frac{1}{48}$

Общий размер налогов, уплачиваемых 13 хозяйствами, равнялся $\frac{9^{32}}{48}$ номисмы ⁷¹.

Эта кадастровая опись, содержащая не использованный до сих пор материал, очень важна для изучения налогового обложения в селе с болгарским названием и со смешанным болгаро-греческим населением. Она показывает, что в конце XIX в. налоговое обложение в болгарских землях осуществлялось целиком по византийской налоговой системе ⁷².

Сумма налога определялась для всего села, после чего она распределялась между отдельными членами сельской общины по системе эпиболе ⁷³. Сумма налогов, уплачиваемых каждым крестьянским хозяйством, состояла из регулярных государственных налогов (ἀπαν τελούμενον) вместе с дикератоэксафолом, синифией и элатиконом (без натуральных поставок и ангарий). Размер налога зависел прежде всего от количества обрабатываемой земли. Первые 10 хозяйств платили, согласно описи, одинаковый налог $\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48}$ номисмы. По всей вероятности, это были зевгаратные хозяйства. После них на 11-м месте идет графа некоего Лазаря (διὰ Λαζάρου υἱοῦ Ἰωάννου Σουνδέα τοῦ Σιδωμάχου), который платил только $\frac{1}{2} + \frac{1}{24}$ номисмы. На 12-м месте в описи помещен Иоанн Болгарин, сапожник. Он имеет четырех сыновей, двух дочерей и платит только $\frac{1}{16} + \frac{1}{48}$ номисмы. На последнем месте упомянут Павел Саропот, который имел сына и дочь и платил также $\frac{1}{16} + \frac{1}{48}$ номисмы. Наименьший налог уплачивали две последние семьи. Вероятно, сапожник Иоанн не имел обрабатываемой земли. Он добывал средства существования для своей многочис-

⁷¹ Налог с села — $\frac{9^{32}}{48} + \frac{1}{6} + \frac{1}{24}$ номисмы — составляет $\frac{9^{34}}{48}$ номисмы, т. е. в подсчете имеется разница в $\frac{2}{48}$ номисмы, относительно которой издатель полагает, что она происходит от ошибки в расчетах с последней дробью от общей суммы; иначе говоря, что $\frac{1}{24}$ написана, вероятно, ошибочно вместо $\frac{1}{12}$ номисмы (F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 65. 12, 15). Но возможно, что между общей налоговой суммой (ῥίζα χωρίου), равной $\frac{9^{34}}{48}$ номисмы, и размером налоговых поступлений ($\frac{9^{32}}{48}$) существовала небольшая разница в самом практике (в данном случае $\frac{2}{48}$ номисмы или 1 кератий), появившаяся в результате распределения подати между членами общины.

⁷² Этот документ проливает также некоторый свет и на поставленный Дэльгером вопрос о влиянии византийской налоговой системы на болгарскую (F. D ö l g e r. Beiträge. . . , S. 96).

⁷³ G. R o u i l l a r d. L'Épibolé au temps d'Alexis I Comnène, p. 80—86; А. П. К а ж д а н. Особенности феодальной собственности в Византии, стр. 61—64; P. L e m e r l e. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, CCXIX, 1958, p. 262.

ленной семьи только своим ремеслом и поэтому с него взимался меньший налог. Такой же налог платил и Павел Саропот, о котором не сказано, был ли он ремесленником или бедным крестьянином. Очевидно, крестьяне — записанные в последние две графы, платили только капникон — налог с очага. О имущественном состоянии свидетельствует, может быть, и странное наименование *Σιδουάρχου*. Возможно, имея небольшое хозяйство, этот крестьянин занимался еще каким-либо ремеслом⁷⁴. Поэтому его налог ($\frac{1}{2} + \frac{1}{24}$ номисмы) был меньшим, чем налог с первых десяти хозяйств. Кроме имущественного положения, при определении размера налога принимался во внимание и состав семьи, количество рабочих рук. Упомянутый только что сапожник Иоанн Болгарин имел шестерых маленьких детей (четырех сыновей и двух дочерей), и, вероятно, поэтому с него взывалась меньшая сумма.

Итак, средний регулярный годовой налог с одного обычного — зевгаратного хозяйства составлял $\frac{1}{2} + \frac{1}{3} + \frac{1}{24} + \frac{1}{48} = \frac{43}{48}$ номисмы, или около 0,9 номисмы⁷⁵.

Крестьяне были обязаны, кроме того, платить определенную подать церкви, известную под названием каноникон. Церковные и монастырские парики платили каноникон не константинопольской церкви, а своему феодалу. Так, согласно грамоте Василия II, клирики и парики всей Охридской архиепископии должны были платить каноникон Охридской архиепископии⁷⁶. Парики во владениях Григория Бакуриани освобождались от всех повинностей по отношению к императору и патриарху⁷⁷.

В одном из писем Феофилакт Охридский решительно отклоняет какие бы то ни было притязания патриарха по отношению к Охридской архиепископии⁷⁸.

Согласно новелле императора Исаака Комнина (1057—1059), село, имеющее 30 хозяйств (*καπνός*), платило ежегодно в качестве каноникона одну золотую номисму, две серебряные монеты, одного барана, шесть модиев ячменя, шесть мер вина, шесть модиев муки и 30 кур. Село, имевшее 20 хозяйств, уплачивало половину золотой номисмы, одну серебряную монету, одного барашка, четыре модия ячменя, четыре меры вина, четыре модия муки и 20 кур. С села, которое состояло из 10 хозяйств, взималось в качестве каноникона пять серебряных монет, один ягненок, два модия ячменя, две меры вина, два модия муки и 10 кур. Из этой новеллы следует, что каноникон, как и остальные налоги, налагался сразу на все село, а после этого распределялся между отдельными хозяйствами⁷⁹. Таким же образом, вероятно, собирались и пошлины за рукоположение в духовный сан⁸⁰.

⁷⁴ Ср. F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 65. 15, S. 182—183.

⁷⁵ Эти цифры не одинаковы для различных областей империи. Они изменялись и в зависимости от налоговой политики различных императоров. Наиболее высокими были налоги при Константине X Дуке и Михаиле VII Парасинаке. Согласно описи имения Вари в Малой Азии (1073 г.), зевгаратные владения платили в качестве годового налога от 3 до 2½ номисм, а актимоны (неимущие) вносили в качестве капникона по ½ номисмы (MM, VI, p. 7—8).

⁷⁶ Ср. Й. И в а н о в. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 500.

⁷⁷ Ср. L. P e t i t. Typicon de Grégoire Pacurianos pour le monastère de Petritzos. BV, XI. 1904. Приложение № 1, стр. 3. 23—26; 15. 6—8.

⁷⁸ PG, t. 126, col. 418. A: «Что общего со страной болгар у константинопольского патриарха, который не имеет ни права рукополагать в ней, так как у нее есть автокефальный архиепископ, ни какого-либо другого преимущества?».

⁷⁹ См. Jus, I, p. 725. Ксаналатос (D. X a n a l a t o s. Beiträge. . . , S. 39), толкуя не совсем точно эту новеллу, считает, что она определяет, сколько должно платить в качестве каноникона всякое отдельное хозяйство (Haushalt).

⁸⁰ В той же новелле Исаак Комнин постановляет: «Рукополагающий епископ или архиепископ не должен брать за рукоположение ничего большего, чем семь золотых номисм с принятым изображением моего царства» (Jus, I, p. 725).

Приведенные сведения дают возможность уточнить весьма общие данные Кедрина о размерах годового налога после 1040 г. «Орфанотроф вместо продуктов приказал давать номисмы»⁸¹. Как видим, после 1040 г. регулярный годовой налог с одного крестьянского хозяйства составлял около одной номисмы⁸².

Михаил Атталиат, рассказывая о государственной монополии, введенной Михаилом VII Паррапинаком на продажу зерновых продуктов в 1074 г., добавляет: «Былое изобилие покинуло государство, и зерно с 18 модиев за номисму поднялось до одного модия за номисму»⁸³.

В «Законе судом людем» говорится, что военнопленные должны были работать, чтобы выкупить себя. При этом плата военнопленному за год составляла три сталенза (сталенз равен номисме)⁸⁴.

Итак, средняя годовая заработная плата равнялась двум-трем номисмам, а на одну номисму при нормальных обстоятельствах можно было купить от 12 до 18 модиев зерна.

Согласно Кедрину, болгары при Василии II платили такой же налог, что и при Самуиле: каждое хозяйство, которое имело пару волов, уплачивало государству по одному модию проса, одному модию зерна и одному кувшину вина⁸⁵. Следовательно, при переводе натуральной ренты в денежную в 1040 г. эта подать была увеличена в несколько раз⁸⁶. Вместо двух модиев зерна и кувшина вина одно хозяйство должно было отдавать фиску сумму стоимостью примерно в 12—18 модиев зерна.

Действительно, при Михаиле IV налоги повысились не только в болгарских землях, но и по всей империи. Рассказывая о восстании Петра Деляна в 1040 г., Кедрин сообщает, что к восстанию примкнули и жители Никопольской фемы, которые взбунтовались не столько из солидарности с Деляном, «сколько из-за ненасытности Орфанотрофа и *повышения налогов*»⁸⁷.

Эти слова Кедрина недвусмысленно показывают, что превращение натуральных податей в денежные сопровождалось повышением налогов. Особенно обременительными для крестьян были дополнительные поборы. Так как значительная часть этих пошлин шла в пользу сборщиков и их помощников, они стремились взыскать как можно большую сумму, чтобы соответственно возросло и их процентное вознаграждение. Вот почему при измерении земли они «уменьшали размер веревки, приписывая крестьянам большее количество зевгариев по сравнению с тем количеством, которым они в действительности владели»⁸⁸.

Дополнительные пошлины взимались и при назначении государственных чиновников⁸⁹, при ведении судебных процессов⁹⁰ и при рукоположении епископов и митрополитов⁹¹. Постоянным термином для обозначения таких пошлин (в особенности судебных) было *ἐκταχιακά*. Поскольку большинство пошлин не имело характера регулярных налоговых

⁸¹ Cedr., II, p. 530. 12—13.

⁸² MM, VI, p. 15. Византийские местные чиновники часто получали не очень высокую плату. Вместо этого правительство обеспечивало им питание.

⁸³ Attal., p. 203. 5—7.

⁸⁴ С. С. Бобчев. Старобългарските правни паметници. София, 1903, ст. 14, стр. 90.

⁸⁵ Cedr., II, p. 530. 9—15.

⁸⁶ Ср. также Г. Г. Литаврин. Налоговая политика. . . , стр. 86.

⁸⁷ Cedr., II, p. 530. 2—9.

⁸⁸ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалното землевладение в южните и югозападни български земи под византийско владичество. ИИБИ, VIII, 1960, стр. 281 сл.

⁸⁹ F. Dölger. Zum Gebührenwesen. . . , S. 5.

⁹⁰ Ibid., p. 6.

⁹¹ Jus, I, p. 725.

поступлений, их размер чаще всего определялся специальными постановлениями — *προστάξεις ἢ ἐκταχαί* ⁹². При этом часто налапались новые пошлины или увеличивались старые. Особенно чувствительный рост пошлин стал при Константине Дуке (1059—1066) ⁹³. Сумма чрезвычайных поборов превышала размеры регулярных налогов (*ἐκταγήν μείζονα τῶν κεφαλαίων*) ⁹⁴. Известно, что эта политика Константина Дуки привела к болгаро-валашскому восстанию 1066 г., в результате которого император обещал отменить проведенное им увеличение налогов ⁹⁵.

К налогам, уплачиваемым их сборщикам; принадлежали также *βιβροπάκτων* (пошлина за пользование рыбными ловлями) и *μιλοπάκτων* (налог или пошлина на мельницы). Необходимо, однако, отметить, что эти налоги взимались не со всех. Они уплачивались только теми лицами, которые пользовались указанными источниками дохода. Бивропактон платили, например, некоторые из париков Феофилакта ⁹⁶, а милопактон вместе со своими париками платил и сам Феофилакт ⁹⁷. Здесь следовало бы поставить вопрос, платили ли феодалы налоги. Вопрос этот, однако, недостаточно изучен; данные для его решения чрезвычайно скудны. Некоторые из них свидетельствуют, что сами феодалы, как и их парики, имели экскуссию от некоторых повинностей (ангарий и эпирий) ⁹⁸, но основные налоги они должны были платить на общих основаниях ⁹⁹.

В своих письмах Феофилакт неоднократно жалуется, что с него взыскивают больше, чем следует ¹⁰⁰. В одном из хрисовулов Алексея Комнина, изданном в 1089 г., говорится об освобождении Лавры от некоторых налогов, в то время как другие налоги она должна была платить на общих основаниях ¹⁰¹.

Из другого хрисовула от 1079 г. следует, что одно из владений Лавры должно было платить «установленный годово́й налог в две номисмы, а больше ничего» ¹⁰².

Можно предполагать, что феодал платил только регулярные налоги (*τέλος*) со своего домена (или своего личного имени), которым он владел сам и получал с него все доходы, с остальных же его владений (с так называемой *terra indominicata*) налоги уплачивали его парики ¹⁰³.

В научной литературе высказано предположение, что упоминаемая Феофилактом *δρῶτζινα* — налог, уплачиваемый феодалом за его право иметь дулопариков ¹⁰⁴. Это предположение не лишено известного основания, ибо термин «отрочина» связывается при этом с термином «отрок»,

⁹² F. Dölger. Zum Gebührenwesen. . . , S. 6—7.

⁹³ С е с., Strat., p. 70. 13; 98. 11: *αὐξήσεις καὶ φαναρώσεις* — «увеличения [налогов] и декреты».

⁹⁴ Ibid., p. 98.19. О значении *κεφαλαίων* как регулярных налогов ср. PG, t. 126, col. 448. С.

⁹⁵ С е с., Strat., p. 70. 11—14; 71. 12—13. Это обещание не было выполнено. Ср. *ibid.*, p. 74—72.

⁹⁶ PG, t. 126, col. 448. С.

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ср. Г. Цанкова-Петкова. Феодалное землевладение. . . , стр. 293 сл.

⁹⁹ Г. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 70; F. Dölger. Beiträge. . . , S. 60.

¹⁰⁰ PG, t. 126, col. 449. А.

¹⁰¹ Lavra, № 43. 13, p. 118; «Великой Лавре св. Афанасия были оставлены те налоги, которые должны были уплачиваться [практору] Андронику, а те, которые собирал Катафлор, были объявлены государственным достоянием».

¹⁰² Ibid., № 31, p. 83.

¹⁰³ Ibid., № 46. 17, p. 124: *μόνα τὰ ἀνήκοντα τέλη*.

¹⁰⁴ PG, 126, col. 517. А. Ср. A. Leroi-Molinghien. Trois mots slaves dans les Lettres de Théophylacte de Bulgarie. «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves», t. VI. Bruxelles, 1938, p. 117; Г. Г. Литаврин. Налоговая политика. . . , стр. 109; е г о ж е. Крестьянство. . . , стр. 337.

означающим категорию зависимого населения в средневековой Болгарии. Однако, определяя отрочину как налог, уплачиваемый феодалом за право иметь зависимых отроков, мы сталкиваемся с некоторыми трудностями. Прежде всего, этот налог взимался не с Феофилакта, а с его клириков¹⁰⁵. Сведения о налоге, уплачиваемом государству *феодалом* за его право иметь зависимых людей, не дошли до нас.

Действительно, монастырь иногда вынужден был платить налоги в связи с задолженностью зависимых от него людей. Это следует из документов монастыря Богородицы Милостивой, который был должен государству δι' ἐπίθρειαυ τινὰ πρακτορικῆν за подчиненных монастырю влахов¹⁰⁶.

Но здесь речь идет не вообще о налоге на монастырь за право иметь зависимых людей, а об определенной сумме, которую монастырь остался должен государству по системе ἐπιβολή за зависимых от него влахов. Кроме того, как уже было сказано, отрочина взималась не с самого Феофилакта, а с его клириков¹⁰⁷. Вероятно, отрочина, как и азрикон, была налогом, уплачивать который должны были крестьяне, но за неуплату налога феодал отвечал перед фиском.

Вначале отроки были неимущими и не подлежали периодическому налоговому обложению. Однако феодал снабжал их землей, и они вели свое самостоятельное хозяйство. Являясь держателями земли, отроки занимались главным образом земледелием. Но имелись и отроки, которые занимались ремеслом¹⁰⁸. Во всяком случае отроки не были полностью свободны от государственных повинностей¹⁰⁹. По-видимому, отрочина являлась чрезвычайным налогом; Феофилакт считал, что его крестьян неправильно подвергли взысканию, и поэтому требовал возвращения взысканного. Очевидно, Феофилакт стремился освободить своих людей от обязанностей по отношению к государству, чтобы они могли лучше выполнять свои парические обязанности по отношению к нему и чтобы не возникала необходимость платить за них налоги.

2. ОТРАБОТОЧНАЯ И НАТУРАЛЬНАЯ РЕНТА

К обязанностям по отношению к военным властям (логифет дрома) принадлежали так называемые кастроктисия (строительство и восстановление крепостей), гефире (γεφυραί, γεφυρώσις) (строительство и ремонт мостов), одостросия (ремонт дорог). Вначале эти обязанности относились к числу ангарий — бесплатному принудительному труду крестьян на государство. Почти все экскурсионные грамоты от времени византийского владычества освобождают частновладельческих париков от этих повинностей¹¹⁰. Они выполнялись прежде всего государственными крестьянами. Так, например, хрисовулом, данным монастырю Колову при крепости Иериссо, 40 монастырских париков освобождались от повинностей

¹⁰⁵ PG, t. 126, col. 157. A.

¹⁰⁶ ИРАИК, VI, стр. 124. 14—15: ἀλλὰ μάλλον καὶ χρέη ἄχρι τῶν τρίακοντα γκελλίων εἶχομεν δι' ἐπίθρειαυ τινὰ πρακτορικῆν προφάσει ὑποχρέων Βλαχῶν. Ср. Г. Г. Литаврин. Крестьянство . . ., стр. 337.

¹⁰⁷ PG, t. 126, col. 517. A: «и прикажи своему представителю освободить клириков от всякой повинности и службы, которые светские подданные выполняют в пользу государства, а также вернуть то, что взыскал с них в качестве азрикона и отрочины».

¹⁰⁸ Д. Ангелов. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, стр. 111.

¹⁰⁹ См. об этом ст. 67 законника Душана: «отроци и меропси који седе заједно у једном селе, всака плака, којѣ приходи да плакају сви заједно на људи». Ср. Т. Тарановски. Историја српског права у Немањинској држави, I. Историја државне права. Београд, 1931, стр. 78.

¹¹⁰ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . ., № 36. 60—61. 32; № 56. 3—4, S. 155.

в пользу «турмархов, мерархов, фемных хартуляриев, комитов, отрядов, друнгарокомитов и доместиков, а также нашего заместителя (ἀντιπροσωποῦντος ἡμῶν). . . и всякого другого из наших, который имеет какую-либо службу или кастроктисию. Пусть [эти 40 париков] будут свободны от обязанности давать фураж, просодий и всякую другую эпирию»¹¹¹.

Одной из наиболее тяжелых повинностей была кастроктисия. Она упоминается как особая повинность в ряде документов. Говорит о ней и Теофилакт Охридский, который сообщает, что начальник кастроктисии (ὁ καστροκτίστης) губил имущество бедняков¹¹². Может быть, и кастроктисия в то время уже была коммутирована, и сбор ее в деньгах был очень обременителен для малоимущих.

Прокорм и содержание войска осуществлялись в значительной степени за счет населения¹¹³. Необходимо было поставлять для войска пропитание, фураж, материалы, предоставлять по весьма низким ценам помещения под квартиру (так называемый *μιτάτον*). Нужно было также осуществлять бесплатные перевозки грузов (ангарии) и исполнять еще ряд других обязанностей в пользу войска¹¹⁴.

Во второй половине XI в. некоторые из этих повинностей были уже коммутированы. Так, в некоторых документах встречается термин «антимитатаки», который показывает, что так называемые митаты были заменены денежной уплатой.

Эксквизионные формулы освобождают частновладельческих париков от так называемого просодия. Значение этого термина все еще недостаточно ясно. Предполагают, что просодий — продуктовая рента¹¹⁶, но это слишком общее определение. Из сохранившихся материалов явствует, что просодий собирался для нужд войска¹¹⁷ и что он был одной из важнейших повинностей государственных крестьян. Император Михаил VII Дука хрисовулом от 1074 г. запретил правителю фемы Волерон, Стримон и Фессалоника взимать просодий с монастыря Врачива, метоха Лавры, который должен был платить только те подати, которые были вписаны в практики и которые утвердило время¹¹⁸. Из этого сообщения явствует, что просодий — не подать, а налог, взимаемый, вероятно, в натуре. Возможно, просодий означал и обязанность снабжать провиантом солдат при уходе их из данного населенного места на время совершения ими перехода до другого села^{118а}. На такое предположение наводит нас и самое значение

¹¹¹ Ibid., № 56. 10—12.

¹¹² PG, t. 126, col. 393. A: ὁ καστροκτίστης καθαιρεῖ τὰ τῶν ἐλεεινῶν. Это место неточно истолковано у митрополита Симеона («Писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ български. Сб. БАН, 27, 1931, стр. 69): «Строителят на крепостите събирае всичко на сиромасите». Что эти слова употреблены в абстрактном смысле, вытекает и из следующего текста: «А катепан перепахал даже землю» (PG, t. 126, col. 393. A). В обоих случаях речь идет о сборе непосильных налогов, которые разоряли бедняков.

¹¹³ Различные повинности, которыми было обременено крестьянство в пользу войска и государства, носят общее название — «эпирии». Анализ документов показывает, что к эпириям относились прежде всего натуральные поставки. Ср. D. X a n a l a t o s. Beiträge. . . , p. 49—50.

¹¹⁴ Lavra, № 31. 30—51, p. 83—84; № 41. 34—40, p. 111; F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 35, 50—95.

¹¹⁵ Lavra, № 47. 32—33, p. 111.

¹¹⁶ А. П. К а ж д а н. Крестьянские движения в Византии в X в. ВВ, V, 1952, стр. 78.

¹¹⁷ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 56. 13, S. 155—156; i d e m. Zur Textgestaltung der Lavraurkunden. BZ, 39, 1939, S. 57.

¹¹⁸ Lavra, № 30. 17—18, p. 81.

^{118а} Ср. Du C a n g e. Glossarium, s. v. просоди́аріос: P. L e m e r l e, Esquisse pour une histoire agraire de Byzance. — RH, CCXX, 1958, p. 84.

термина *προσβδιον*, который соответствует латинскому *viaticum* (продовольствие на дорогу).

Не выяснено значение и так называемой псомодзимии. Некоторые исследователи полагают, что псомодзимия — это вид военного налога¹¹⁹. Другие считают, что она означает обязанность крестьян месить бесплатно хлеб для воинов¹²⁰. Третьи думают, что это обязанность доставлять припасы чиновникам и войску по строго установленным низким ценам¹²¹. В одном из документов той же эпохи, относящемся к малоазийским областям империи, говорится об обязанности крестьян молотить зерно и приготавливать хлеб для войска¹²². Однако специальное название этой повинности не приводится. Вероятно, именно эту повинность имеет в виду Теофилакт, употребляя термин «псомодзимия». Это предположение подтверждается содержанием следующего отрывка: «А клирики (*ιερεϊς*) в городке (*πολις*) не имеют никакой свободы и спокойствия, несмотря на то, что ты, господин мой, послал многоуважаемое письменное распоряжение наместнику и дал им свободу. Их привлекают к стоянию на страже (*παράμονας*) и к псомодзимии (*ψωμοζυμια*), несмотря на то, что есть хрисовул, согласно которому они должны быть освобождены от унизительных повинностей и псомодзимии»¹²³.

Правда, из этого сообщения не ясно, одной ли из так называемых унизительных повинностей или особой обязанностью является псомодзимия. Из него следует, однако, что речь идет о двух видах отработочных повинностей — жители города привлекаются к парамони и псомодзимии. Как свидетельствует отрывок, от них требуются не продукты, а бесплатный труд.

В документах монастыря Богородицы Милостивой сообщается об освобождении париков этого монастыря от всякой «эпирии, ангарии, парангарии, псомодзимии»¹²⁴. Если принять во внимание, что ангария означала обычно обязанность крестьян давать бесплатно скот для перевоза продовольствия и других материалов¹²⁵, а эпирия — натуральные поставки¹²⁶, то можно предположить, что под псомодзимией здесь подразумевается бесплатный принудительный труд населения по приготовлению хлеба для государственных нужд.

Кроме того, в упомянутом выше документе (ММ, VI, р. 3) помол зерна и изготовление хлеба также упомянуты вместе с *παράμονας*. Следовательно, в этих двух очень сходных сообщениях речь идет об отработочной ренте — приготовлении хлеба для войска и чиновников и охране урожая от ущерба.

Сопоставление этих сведений подтверждает высказанное митрополитом Симеоном, хотя и недостаточно аргументированное предположение, что псомодзимия означает бесплатное приготовление хлеба для нужд войска. Поставка продовольствия войску по низким ценам известна под термином *χρεϊαι*, который встречается в документах этой эпохи¹²⁷.

¹¹⁹ П. М у т а ф ч и е в. Войници и войнишки земи във Византия през XIII—XIV в. Сп. БАН, 27, 1923, стр. 69.

¹²⁰ Митрополит Симеон. Писмата на Теофилакт Охридски, стр. 211.

¹²¹ D. X a n a l a t o s. Beiträge. . ., S. 49.

¹²² ММ, VI, р. 3.

¹²³ PG, t. 126, col. 525. А (конец текста поврежден).

¹²⁴ ИРАИК, VI, стр. 36. 21.

¹²⁵ Ср. С е с., Strat., р. 40. 15. Ср. F. D ö l g e r. Beiträge. . ., S. 22; Н. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 280—281.

¹²⁶ Н. С к а б а л а н о в и ч. Указ. соч., стр. 276—280.

¹²⁷ Lavга, № 31. 31, р. 83; № 31. 39, р. 84; № 26. 69, р. 68.

Кроме повинностей в пользу войска, население было обязано натуральными поставками в пользу государственных чиновников. Это были прежде всего так называемые канискии (буквально: корзинки). Каждое крестьянское хозяйство было обязано давать чиновникам ежегодно один хлеб, одну курицу, один модий ячменя и полмеры вина¹²⁸. Упоминание антиканиския почти везде, где упоминается каниский, показывает, что, кроме натуральной, существовала одновременно и денежная форма этой подати¹²⁹.

К натуральным поставкам, возможно, нужно причислить и так называемый икомодий, значение которого также остается спорным¹³⁰. Предполагают, что икомодий — пошлина, взимаемая государственными чиновниками за оценку имущества владеющего землей крестьянина. Однако в первой грамоте Василия II, данной Охридскому архиепископу, икомодий упоминается как эпирия: «пусть будут свободны эти парики от икомодия и других эпирий»¹³¹.

Особенностью византийской фискальной системы было то, что подати не были строго определены. Каждый император вводил новые налоги и увеличивал прежние. В ряде случаев эти дополнительные поборы или увеличение старых налогов вводили и различные представители центральной власти. В хрисовуле, выданном Лавре в 1109 г., говорится: «Владения монастыря пусть имеют все права на экскуссии и не подлежат никакому виду эпирии, ни общим (κοινῶν), ни частным (ιδιῶν), ни обыкновенным и обычным, ни обложениям при всевозможных чрезвычайных обстоятельствах (ἐκ περιστάσεων)»¹³². Другим хрисовулом от 1104 г. некоторые владения Лавры освобождались от всякой *регулярной* и *нерегулярной* ангарии и эпирии¹³³. Как чрезвычайную, налагаемую в определенных случаях, ангарию нужно рассматривать и упоминаемую в ряде документов рядом с ангарией «парангарию»¹³⁴.

В постоянном возрастании налогового гнета, в увеличении податей и повинностей, пошлин и налогов можно усмотреть действие основного закона феодализма, заключающегося в максимальном росте феодальной ренты.

Рассмотренные материалы показывают, как велико было бремя централизованной ренты, тяготевшей над «свободной сельской общиной». Свободные крестьяне были обязаны в пользу феодального государства не только уплатой податей, но и различными феодальными повинностями. И поскольку эти повинности по мере развития феодальных отношений все возрастали, часть государственных крестьян иногда добровольно при-

¹²⁸ F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 64. 31, S. 178; № 35, 88, S. 102.

¹²⁹ Ibid., № 1/2. 28, S. 26; № 3. 30, S. 29; № 35. 88, S. 102.

¹³⁰ F. D ö l g e r. Zum Gebührenwesen. . . , S. 23; А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения. . . , стр. 119. В. Васильевский («Материалы к истории крестьянского земле- владения»). ЖМНП, ч. 210, стр. 369), основываясь на ошибочном прочтении οἰχοδομίου (см. об этом: ВЗ, 2, 1893, S. 44) вместо οἰχομοδίου, объясняет икомодий как «налог с жилья и усадебной земли»; Острогорский (G. O s t r o g o r s k y. Die ländliche Steuergemeinde des Byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. VSWG, 20, 1927, S. 54) считает, что икомодий — это налог на постройки. Ему возражает А. Андредес (A. A n d r é a d è s. Deux livres recents sur les finances byzantines. ВЗ, 28, 1928, p. 310, п. 1).

¹³¹ Й. И в а н о в. Български старини из Македония, стр. 555; М. Л а с к а р и с. Вагопедската грамота, стр. 43. Ласкарис с основанием замечает, что икомодий упомянут здесь как эпирия.

¹³² Lavra, № 53. 78—79, p. 149.

¹³³ Ibid., № 51. 83, p. 142.

¹³⁴ Ibid., № 31. 50, p. 84; № 41. 59, p. 111; № 39. 50, p. 106; F. D ö l g e r. Aus den Schatzkammern. . . , № 35. 91, p. 102. Ср. ИРАИК, VI, стр. 36. 20.

ходила во владения отдельных феодалов с надеждой найти там защиту от притеснения государственных чиновников. Частновладельческие парики не порвали, однако, полностью связей с государством. В большинстве случаев они продолжали платить основной государственный налог или часть его, но были освобождены от ряда других чрезвычайных податей, тягот и повинностей, которые были тем более обременительны, что не были строго регламентированы и могли постоянно увеличиваться и умножаться.

В этом постоянном увеличении фискальных тягот и повинностей нашло свое выражение полное подчинение ранее свободной сельской общины феодальному государству. Положение ее членов мало чем отличалось от положения частновладельческих париков. В надежде улучшить свое положение некоторые государственные крестьяне добровольно становились париками какого-либо монастыря, церкви или светского феодала. Чтобы воспрепятствовать этому явлению, которое грозило государству потерей его подданных, оно вводило ограничения количества зависимых людей в распоряжении отдельного феодала (так называемый *ἀριθμός, ποσότης*)¹³⁵. Таким образом, и государственные крестьяне, если даже они не были полностью закрепощены, были также ограничены в свободе передвижения.

Освобожденные от государственных налогов парики в силу так называемого парического права становились обязанными определенными повинностями в пользу феодала. Поскольку эти повинности регламентировались обычным парическим правом (*παροικιαὸν δίκαιον*) и носили частноправовой характер, они не зафиксированы в официальных документах (из которых мы черпаем сведения об экскуссии частновладельческих париков от государственных налогов), и только иногда встречаются случайные данные об их обязанностях по отношению к новому феодальному господину. Поэтому сведения об обязанностях париков по отношению к феодалам от рассматриваемого периода всегда общи и неопределенны. Постепенно парики были вынуждены нести в пользу своего господина те же повинности, которые раньше они выполняли в пользу государства¹³⁶. Государство, таким образом, передавало феодалу часть прибавочного труда и продукта крестьян. Парик был обязан выполнять для монастыря, церкви или светского феодала определенную службу (*δοσλεία*), а в определенных случаях — уплачивать натуральные или денежные подати.

Первой грамотой Василия II для Охридской архиепископии парики, которые работали на архиепископию, были освобождены от икомодия и остальных эпирий¹³⁷. В типике Бакуриани речь идет о париках, «которые обслуживали монастырь»¹³⁸. Феофилакт сообщает, что обменял имеющиеся у него владения на село, чтобы пользоваться отработочной повинностью париков¹³⁹. Он отклонил предъявленное ему обвинение, что извлекал выгоду из клириков: «Это не кража из казны, а дозволенное царской милостью»¹⁴⁰. Григорий Бакуриани построил монастырь и церковь на свои собственные средства, а не с помощью ангарии, принуждения и перегрузки эпириями своих париков¹⁴¹. В хрисовуле монастырю Колову при Иериссо дается экскуссия 40 его парикам, «чтобы они были

¹³⁵ G. Ostrogorskij. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 20—36.

¹³⁶ Ср. Д. Ангелов. Аграрные отношения... стр. 159—166.

¹³⁷ П. Иванов. Български старини из Македония, стр. 550, 555.

¹³⁸ L. Petit. Typicon... p. 51. 21—23.

¹³⁹ PG. t. 126, col. 424.

¹⁴⁰ Ibid., col. 448. A.

¹⁴¹ F. Dölger. Aus den Schatzkammern... № 56. 16, S. 155.

в помощь монастырю и достопочтенным монахам»¹⁴². Парики монастыря Богородицы Милостивой освобождались от государственных податей, «чтобы они работали служащим в храме Богородицы монахам»¹⁴³. Об этих париках далее говорится, что монастырь должен извлекать из них всякую пользу»¹⁴⁴.

Из приведенных данных следует, что парики в феодальных владениях имели большие или меньшие обязанности по отношению к феодалам. В чем состояли эти повинности и каковы были их размеры, мы не можем с точностью сказать. Несколько более подробные сведения по этому вопросу содержатся в типике Михаила Атталиата основанному им монастырю в Родосто: «Парики и те, которые арендуют землю (ἐκλήπτορες), не должны принуждаться к уплате больших взносов (πάχτων) или выполнению больших повинностей (δοσλείων), чем они платили или выполняли при мне. Не должен меняться порядок и размер их повинностей (λειτουργίας αὐτῶν), кроме как если окажется, что кто-либо обрабатывает и использует сверх причитающейся ему земли, или если произойдет что-нибудь непредвиденное, что вызовет увеличение служб и поставок»¹⁴⁵.

Этот отрывок из типика Атталиата, хотя, к сожалению, и очень краткий, чрезвычайно интересен для характеристики повинностей париков. Из него следует, что отношения между париками и феодалами определялись в каждом отдельном случае конкретно, так как принимались в расчет условия, в которых находились парики, степень их зависимости, размер обрабатываемой ими земли и т. д. Эти отношения, вероятно, определялись устным и письменным договором, обязательным для выполнения обеими сторонами, но в действительности соблюдаемым только париками. При чрезвычайных обстоятельствах допускалось изменение договора. Однако обязанности крестьян увеличивались не только «при чрезвычайных обстоятельствах», но и при всяком удобном случае. Эти обязанности состояли, вероятно, из бесплатного труда (обработка земли господина и вообще поддержание его феодального хозяйства) и из натуральных поставок. Атталиат постановляет в своем завещании, чтобы в будущем не увеличивались обязательства его париков, т. е. чтобы не взималась с них отработочная и натуральная рента в большем размере, чем при нем. Это желание Атталиата, отраженное в типике его монастыря, показывает, что общая тенденция этой эпохи состояла в возрастании феодальной ренты. В том же смысле нужно понимать и слова Григория Бакуриани, который сообщает в типике, что построил монастырь и церковь не при помощи ангарий, принуждения и чрезмерного обременения своих париков эпирями, что, по-видимому, широко практиковалось в то время.

Согласно существующему обычаю, крестьяне должны были доставлять феодалу в качестве подарков различные натуральные приношения¹⁴⁶.

Одной из форм феодальной ренты была так называемая μόρτη — десятина, уплачиваемая крестьянам за использование господской земли. Сохранившиеся материалы показывают, что в рассматриваемый период уплата морты не была непременным условием феодальной зависимости. Так, например, Лавра получала десятину за свои владения в феме Мог-

¹⁴² L. Petit. Typicon... , p. 9. 28—30.

¹⁴³ ИРАИК, VI, стр. 29. 12—13.

¹⁴⁴ Там же, стр. 39. 6—7.

¹⁴⁵ K. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, I. Venetia, 1872, p. 39—40.

¹⁴⁶ Ср. С е с., Strat., p. 56—57: «Доставляй ему и его людям из продовольствия и питья то, что бог тебе дал».

лен как от зависимых владов и болгар, так и от поселившихся там в качестве стратиотов куман¹⁴⁷.

Из более поздних памятников явствует, что парики должны были работать определенное количество дней во владениях феодала¹⁴⁸. Мы не знаем, из скольких дней в году состояла барщина в рассматриваемую эпоху. Дошедшие до нас сведения показывают только, что размер парических обязанностей также непрерывно возрастал, как возрастали подати и повинности государственных крестьян. Этим и объясняется бегство париков из феодальных владений.

Рассмотренные выше материалы свидетельствуют о том, что в болгарских землях под византийским господством до 1040 г. преобладала натуральная рента. Основная подать, уплачиваемая каждым хозяйством, взималась в натуре. Кроме этого, крестьяне обязаны были некоторыми отработочными и натуральными повинностями, известными под названием эпирий. Около 1039 г. был восстановлен азрикон, а с 1040 г. регулярные государственные подати стали взыскиваться в деньгах. Введение денежных налогов, которые не были отменены и после подавления восстания, определенно свидетельствует о том, что около середины XI в. во всех областях империи, включая и болгарские земли, имелись уже элементы товарно-денежных отношений. Это давало возможность перейти к сбору регулярных государственных податей в денежной форме. С другой стороны, необходимость уплачивать налоги в деньгах заставляла крестьян выделять часть произведенных ими материальных благ для продажи на рынке и регулярно посещать городской рынок, что в свою очередь дало новый толчок развитию товарно-денежных отношений. Непосредственный производитель стремился теперь продать не только ту часть своего дохода, которая была ему необходима для уплаты податей государству, но стремился произвести побольше, чтобы вынести на рынок больше продуктов и купить необходимые товары. Так в результате превращения части натуральной ренты в денежную сельское хозяйство перестало быть самодовлеющим. Оно стало утрачивать замкнутый характер и постепенно вовлекалось в товарно-денежные отношения. Во второй половине XI в. денежное обращение проникло уже и в город, и в село¹⁴⁹. Об этом свидетельствует значительное количество серебряных, медных и золотых монет, которые находились в обращении в то время.

Так, в окрестностях современного города Силистры обнаружено значительное количество медных византийских монет от времени императоров Михаила IV Пафлагонца (1034—1041), Константина IX Мономаха (1042—1054), Константина X Дуки (1059—1067), Романа IV Диогена (1067—1071) и Михаила VII Дуки (1071—1078)¹⁵⁰. Возле села Хисар Пловдивского округа было найдено большое количество монет, относящихся приблизительно к тому же времени, одна монета из белого золота Михаила VII Дуки, 58 монет из белого золота Никифора III Вотаниата (1078—1081), одна монета из белого золота и пять золотых монет Алексея I Комнина (1081—1118)¹⁵¹. В Преславе и в Преславске при раскопках обнаружено значительное количество медных, серебряных и золотых монет XI—XII вв.¹⁵². В окрестностях села Гюргенджик (теперь Попкра-

¹⁴⁷ Larva, № 45. 9, p. 122; № 47, p. 126.

¹⁴⁸ Д. Ангелов. Аграрные отношения. . . , стр. 171—176.

¹⁴⁹ Ср. Л и ш е в. За проникването и ролята на парите във феодална България. София, 1958, стр. 133.

¹⁵⁰ ИБАИ, 17, 1950, стр. 322; С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 121.

¹⁵¹ С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 121.

¹⁵² Там же, стр. 121—122.

лево), в окрестностях Силистры, найден клад из 22 золотых монет Михаила VII Дуки¹⁵³. У развалин города Эскуса (в устье реки Искыр) обнаружено 3 кг серебряных монет Иоанна Цимисхия (969—976) и Константина IX Мономаха. То обстоятельство, что монеты Иоанна Цимисхия найдены вместе с монетами XI в., свидетельствует о том, что монеты X в. продолжали обращаться в болгарских землях и в XI в.¹⁵⁴

У сел Брестово (Старозагорский округ), Мухово (в окрестностях Ихтимана), Дыбово и Енина (близ Казанлыка), Вырбица (к югу от Преслава) обнаружены крупные клады византийских медных монет XII в.¹⁵⁵ В местности «Селиште» у села Бяда Черква (Тырновский округ) найдены 22 золотые монеты императора Исаака I Комнина (1057—1059)¹⁵⁶. Огромное количество (10 кг) медных византийских монет от XI—XII вв. найдено у крепостной стены села Баткун (в окрестностях Пазарджика)¹⁵⁷.

В археологических музеях Варны, Пловдива и других городов хранятся в большом количестве медные, серебряные и золотые монеты, которые еще не изучены и не опубликованы. Многочисленные медные, серебряные и золотые монеты от времени византийского владычества, повсеместно находимые в селах и городах современной Северной и Южной Болгарии, свидетельствуют об оживленном торговом обмене между деревней и городом. Данные монетных находок дополняются сведениями письменных источников. Из стратегикона Кекавмена известно, что в это время были введены в обращение не только деньги, но и кредитные бумаги¹⁵⁸. Потребность в деньгах заставляла феодальное государство пускать в оборот и неполноценные монеты¹⁵⁹.

Важные сведения о денежном обращении в северо-западных болгарских землях в конце XI в. дают и некоторые западные авторы. Так, Вильгельм Тирский рассказывает, что когда крестоносцы Первого крестового похода под предводительством Вальтера Голяка перешли в 1096 г. так называемую «Болгарскую гору» и дошли до Софии, они заключили там соглашение с местным византийским правителем. По этому соглашению они имели право покупать на местном рынке необходимые съестные припасы по точным мерам (*aequa mensura*) и по установленной рыночной цене (*justo pretio*)¹⁶⁰. Сообщая об этом же, Альберт Аквинский говорит, что после того как Вальтер достиг города Ниша, который расположен «в середине болгарского царства», местный управитель, желая предотвратить дальнейшие грабежи крестоносцев, снабдил их деньгами и оружием в знак миролюбия. Он дал им также проводников, чтобы они могли беспрепятственно пройти через болгарские города Средец, Пловдив и Адриано-

¹⁵³ ИБАД, 2, 1911, стр. 281; ср. С. Л и ш е в, Указ. соч., стр. 123.

¹⁵⁴ С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 122. Ср. ИБАИ, т. 20, 1955, стр. 516.

¹⁵⁵ С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 122—123.

¹⁵⁶ Там же, стр. 124.

¹⁵⁷ Там же, стр. 125.

¹⁵⁸ С е с., *Strat.*, p. 37: «Если найдется кто-либо, кто даст тебе заем, как это часто бывает, он пожелает [взять] дом твой в залог (*εις ὑποθήκην*), а ты добровольно и с готовностью дашь расписку (*χαρτίον*), в то время как он определит срок (*ἄρον*)».

¹⁵⁹ Кекавмен сообщает о перечеканке и порче монет (*παραχαράσσειν καὶ ψαλιῖσιν νομίσματα*) как об «опасном, но доходном ремесле» (*ibid.*, p. 51. 20—24).

¹⁶⁰ «*Insuper ab eodem duce, viro egregio et timente deum, humanissime tractatus, commerciorum legem obtinuit communem, ut sibi et populo suo aequa mensura et justo pretio necessaria venderentur*» (*Recueil des historiens des Croisades. Historiens occidentals*, t. 1. Paris, 1844, p. 49. Ср. С. Л и ш е в. Указ. соч., стр. 136—137; В. Н. З л а т а р с к и. История на българската държава през средните векове, т. II. София, 1934, стр. 224).

поль, и разрешил купить себе пищу на срок пути до Константинополя ¹⁶¹. В подвластных Византии болгарских землях обращались только византийские монеты. Западный автор Оттон де Дьбой, который проходил через болгарские земли с войсками Второго крестового похода, рассказывает, что при прибытии крестоносцев в северо-западные болгарские земли они разменивали пять динаров на одну медную монету и одну марку на 12 солидов (номисм) ¹⁶². Так как денежный обмен между крестоносцами и местным населением не был урегулирован, договором Исаака II Ангела с крестоносцами от 24 февраля 1190 г. была предусмотрена специальная статья на этот счет: «Одна марка покупается за 5,5 перперов (номисм. — *Г. Ц.*), а один перпер обменивается на 120 «стамин» ¹⁶³.

Приведенные здесь данные показывают, что со второй половины XI в. в болгарских землях существовал регулярный торговый обмен. Болгарский крестьянин периодически выносил на рынок произведенный им продукт, чтобы получить деньги для выплаты налогов. Конечно, в условиях феодального строя наличные деньги сосредоточивались главным образом в руках феодального класса, а средние и мелкие собственники были под угрозой разорения ¹⁶⁴.

Следовательно, превращение натуральной ренты в денежную не следует рассматривать как обыкновенную налоговую реформу, проведенную законодательным актом от 1040 г. Это превращение представляет собой в сущности определенный этап в процессе феодализации. Этот этап знаменовал более высокий уровень развития производительных сил, который привел к известным переменам в способе производства: «Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, избыток необходимо превратить из этой натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере, наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом» ¹⁶⁵.

Действительно, феодальный базис в общих чертах оставался тем же. Непосредственный производитель, как держатель земли, продолжал отдавать ее верховному собственнику прибавочный труд в натуральной или денежной форме. Однако утверждение товарно-денежных отношений около середины XI в. и превращение части натуральной ренты в денежную свидетельствуют о более высоком уровне развития феодализма, который был связан с более высоким уровнем развития производительных сил.

¹⁶¹ C. Alberti Aquensis. Historia Hierosolimitanae expeditionis, Bongars. Gesta Dei per Francos, I. Hannoviae, 1611, p. 186. Ср. В. Златарски. История... II, стр. 225—226.

¹⁶² MGH, SS, t. XXVI, p. 63.

¹⁶³ Ansbert. Historia de Expeditione Friderici imperatoris. MGH, SS, V, p. 66. Ср. С. Лешев. Указ. соч., стр. 144—145.

¹⁶⁴ Ср. Сес. Strat., p. 37: «Если продашь ему за бесценок свое родовое имущество или имущество, которое приобрел в упорном труде и поту, тогда расплатишься с ним. Если не сделаешь этого, он возьмет с тебя новое обязательство удвоить процент и процент с процента».

¹⁶⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 810.